

хального строя. Чисто классовый характер придавали «избеганию» сословные перегородки патриархально-феодалного уклада.

С ликвидацией отсталых социально-экономических отношений и победой социалистического строя исчезла реальная основа для бытования «избегания» как общественного института. Он стал теперь действительно пережитком, не только не нужным, но и вредным для социалистических общественных отношений, и противоречит советскому образу жизни. Ссылки на разного рода этические моменты не основательны, так как формационный критерий требует, на мой взгляд, единообразной оценки социальных и культурных явлений у всех народов Советского Союза, тем более что происходит неуклонное сближение жизненных укладов советских народов, что составляет один из наиболее существенных признаков советского, социалистического образа жизни.

Соображения «взаимного уважения», «скромности» и т. п. не могут обосновать необходимости консервации отсталого патриархального обычая «избегания», тем более что эти этические нормы успешно осуществляются посредством современных форм общения.

Что же касается «стандартов» «европейской» или иной культуры, которые в прошлом в виде «моделей культуры» безуспешно пытались обосновать сторонники «психологического» направления в американской этнологии, то теоретически эта проблема была решена еще во второй половине прошлого века, когда эволюционисты провозгласили единство человечества, его культуры, управляющих ее развитием законов. С учетом законов диалектики и исторического материализма эти генеральные выводы были приняты марксизмом.

THE AVOIDANCE CUSTOM AND THE PROBLEM OF «SURVIVALS»

The study of «survivals», relics of economic, social, family, intellectual and other elements of culture and the application of this study in retrospective analysis has formed an important part of the evolutionist method of research. Evolutionist ideas have been much criticized by researchers of different schools. The concept of «survival» may be defined as a vestigial or rudimentary phenomenon that continues its existence beyond the boundaries of the social organism in which it came into being. Survivals are chiefly phenomena linked with the sphere of religious beliefs, customs, rituals. Many phenomena, especially those belonging to other spheres of life, are not really survivals and only resemble ancient institutions in their outward shape or in name or conventional term. The avoidance custom among the Adyghe, as among many other peoples, most probably does not originate from primitive times but has become formed under recent patriarchal-feudal conditions. The preservation of a patriarchal custom under Socialism cannot be justified by considerations of «mutual esteem», «modesty»; it contradicts Socialist social relations and the Soviet way of life

С. А. Токарев

«ИЗБЕГАНИЕ» И «ЭТИКЕТ»

В чем причина того, что проблема обычая «избегания», несмотря на сравнительное обилие посвященной ей литературы, не получила до сих пор удовлетворительного разрешения — ни в смысле объяснения исторических корней этого обычая, ни в смысле его однозначной

оценки? Думается, что главная причина в том, что данный обычай, привлекавший и привлекающий внимание этнографов своей экзотичностью и кажущейся странностью, трактуется по большей части в отрыве от более широкого круга проблем, частью которых является обычай «избегания». А ведь ни одно явление общественной жизни людей не может быть понято вне социального контекста, к которому оно принадлежит.

В какой-то мере, правда, исследователи принимают этот контекст во внимание. Обычай «избегания» (одно время в нашей этнографической литературе употреблялось малоудачное выражение, предложенное Л. Я. Штернбергом, «психические запреты») рассматривают чаще всего как часть системы взаимоотношений членов традиционной, по преимуществу крестьянской, семьи. И это правильно. Авторы обсуждаемой статьи — Я. С. Смирнова и А. И. Першиц — делают следующий шаг: связывают интересующий нас обычай с определенной стадией общего исторического развития — с «доклассовой и феодальной (на ее начальном этапе) формацией» (стр. 68). Допустим, что и это правильно. Но достаточно ли этого исторического (или социологического) контекста? Нет, недостаточно.

Ведь если обратить внимание не на отдельные, порой странные, даже забавные формы проявления обычая «избегания», а на самую сущность этого обычая, то мы увидим, что перед нами лишь одна из весьма разнообразных манифестаций общей тенденции к социальной сегрегации — разобщению людей, ограничению их общения между собой. С самого начала человеческой истории и вплоть до наших дней в обществе действуют амбивалентные силы интеграции и сегрегации — притяжения и отталкивания. Эти две силы, одна от другой неотделимые, все же неодинаково дают о себе знать: действие сил сегрегации всегда заметнее, уже по одному тому, что сегрегация очень часто проявляется в социальных конфликтах, доходящих порой до антагонизмов.

Сегрегация бывает расовая, языковая, этническая, семейная, родоплеменная, сословная, классовая, религиозная... Один из наиболее устойчивых, едва ли не универсальный вид сегрегации связан с половым делением человечества. Сегрегация полов проявляется во всех сферах социальной жизни: половое разделение труда, разобщение в пище, в жилище, в одежде, в воспитании, в культе, в развлечениях и проведении досуга и пр. Эти разные формы разобщения полов принадлежат к разным историческим эпохам, и некоторые из них уже исчезли (по крайней мере в более передовых странах), другие еще действуют.

Вот в этот большой и чрезвычайно разнообразный круг обычаев, ограничивающих общение человеческих групп между собой, и вписываются обычаи избегания. Особенно близки они — хотя и не совпадают — с обычаями разобщения полов: ведь подавляющее большинство форм «избегания» касается лиц разного пола: зять — теща, невестка — свекор и пр.

Все это прекрасно, могут мне сказать, но что собственно дает для понимания обычая избегания сближение этого «института» с разными проявлениями социальной сегрегации, для понимания его исторических корней, для его практической оценки?

Оно может дать очень много. Однако, чтобы подойти с правильных исторических позиций к рассмотрению этой проблемы, необходимо сделать одно отступление, на первый взгляд довольно неожиданное, но которое приближает к пониманию интересующего нас явления, точнее, к пониманию его места в истории социальных обычаев.

Дело в том, что обычаи «избегания», присущие главным образом крестьянской среде, имеют своеобразный эквивалент на другом социальном полюсе классового общества — среди аристократии: это то, что называется «этикетом». Рассмотрим кратко это социальное явление.

Слово «этикет» употребляется чаще всего в очень узком значении: говорят о «придворном этикете» — особые правила поведения при дворе монарха; о «дипломатическом этикете» — особые узаконенные формы общения в дипломатическом мире. Употребляют это слово и с ироническим или шутливым оттенком в повседневном быту, когда говорят об особо утонченной манере поведения. Иногда же слово «этикет» понимают и в еще более широком смысле, как совокупность вообще правил поведения, как «культуру поведения», как «хороший тон». В последнее время начали говорить даже о «советском этикете»¹. Но при таком широком понимании теряется специфическое содержание, а потому теряется и необходимость в данном термине.

Очень остроумное и в то же время глубокое толкование «этикета» предложил прогрессивный американский этнограф Лесли Уайт. По его определению, если «этикой» мы называем совокупность норм, регулирующих отношения вообще между людьми, то «этикет» регулирует отношения между группами (классами) людей: отношения между мужчинами и женщинами, между начальниками и подчиненными, между монархом и подданными². Это определение, по существу удачное, требует, пожалуй, лишь одного уточнения: этикет регулирует собственно не сами отношения между группами людей, а лишь внешние формы этих отношений, или их символическое выражение. Но так как форму никогда нельзя отрывать от содержания, то нетрудно видеть, что в этих формах отношений между группами людей отражается и само содержание этих отношений, хотя бы косвенно.

Лесли Уайт высказал по поводу понятия «этикет» еще одну важную мысль. Правила этикета, говорил он, отличаются той особенностью, что нарушение их никогда не остается безнаказанным, хотя наказание за нарушение этикета может быть мягким и чисто моральным. И эта неизбежность наказания понятна, потому что в этикете отражаются действительные отношения между социальными группами, между структурными элементами общественной системы, и отступление от правил этикета угрожает дезинтеграцией самой системы. Например, если мужчина ведет себя по отношению к женщине не так, как должно, он теряет право считаться настоящим мужчиной. Если сановник нарушает правила придворного этикета, это есть уже симптом начала распада монархического режима.

Каково же историческое происхождение правил этикета? И какие имеются основания сопоставлять их с обычаями «избегания»? Этнографическая наука дает убедительный ответ на оба эти вопроса.

Вспомним классический труд выдающегося английского этнографа Джемса Фрезера «Золотая ветвь». Как известно, в нем уделено особое внимание обычаям многих внеевропейских народов, касающихся положения разных носителей власти — вождей, королей, царьков, а также колдунов и жрецов. Эти обычаи регулируют зачастую самым мелочным образом и с большой строгостью как поведение самих этих носителей власти, так и поведение всех их окружающих. Обычаи эти бывают очень стеснительны, и не только для окружающих монарха, но часто и для него самого. Над ним и над ними тяготеет множество «табу».

Так, на островах Полинезии еще недавно правила наследственные вожди — «арики» («арии», «алии»), считавшиеся столь священными, что даже одно прикосновение к особе вождя было опасным, а потому наказуемым. Местами, например на Гавайских островах, за такое прикосновение виновного предавали смерти. Смертельная опасность грозила тому, кто съест остатки пищи вождя. Если вождь входил в чью-то хижину, хозяин хижины не мог более ею пользоваться. На о-вах Таити, если вождю нужно было покинуть свою резиденцию, его переносили на

¹ См. «Советский этикет». Л., 1971.

² L. A. White. The evolution of culture. N. Y., 1939, p. 225—231.

плечах особые носильщики, чтобы он не коснулся земли своими священными ногами — иначе его подданные не смогли бы по ней ходить.

У многих народов строго запрещалось произносить имя вождя, как живого, так и умершего. Нельзя было произносить даже простые слова, если они звучали похоже на имя вождя.

Но и на самих вождей, как уже сказано, ложились зачастую запреты, и довольно тягостные. Особенно яркие примеры этого наблюдались в некоторых африканских государствах. Вожди и царьки их считались настолько священными, настолько полными магической силы, что от их поведения зависело, удержится ли должный порядок в природе или возникнут стихийные бедствия. Поэтому такой царек должен был подчиняться строгим и тягостным правилам. Например, у народов зве царь не имел права ни на минуту покидать свое жилище, разве только ночью. Некоторые вожди племен в Западной Африке должны были всю жизнь свою проводить сидя на своем троне, даже спать в таком положении: если вождь ляжет, произойдут стихийные бедствия.

Подобные строгие ритуальные запреты известны и во многих других развитых классовых обществах, в восточных государствах. Так, японский микадо, считавшийся живым божеством, должен был соблюдать всю жизнь самые тягостные правила поведения. В старину он должен был каждое утро просиживать несколько часов подряд на своем троне, с короной на голове, не шевеля ни одним членом и глядя неподвижно прямо перед собой. Это означало, что микадо поддерживает мир и равновесие в своей империи. Он не мог ступить ногой на землю, луч солнца не должен был упасть на его священную особу³.

Аналогичные факты известны и из других регионов. Значение их — при всем разнообразии правил и запретов — одно и то же. Носитель власти в первобытных и раннеклассовых обществах рассматривался как сверхъестественное существо, как живое божество, обладающее таинственными способностями. Такова была форма осознания находившейся в их руках реальной власти. И все эти разнообразные табу, ложившиеся и на него, и на его подданных, призваны были лишь наглядно показать, какая пропасть лежит между ними, и тем самым еще более возвысить его власть, его престиж.

Если обратиться теперь к правилам придворного этикета в средневековых европейских монархиях, то мы увидим, что они были лишь некоторым смягчением, модернизацией древних варварских обычаев табуации носителей власти. Сидя на высоком троне, в золотом венце, в роскошной одежде, со всеми королевскими регалиями, король принимал придворных, сановников, отвешивающих почтительные поклоны и произносящих высокопарные речи. Местами, как во Франции при дворе Людовика XIV, «короля-солнца», сложный дворцовый церемониал охватывал и самые интимные стороны жизни монарха, начиная с его утреннего одевания — торжественной церемонии, в которой участвовали десятки придворных.

В восточных государствах примером гипертрофированного развития этикета — и не только собственно придворного, но распространившегося и на широкие слои общества — может служить императорский конфуцианский Китай. Конфуцианские принципы морали и поведения требовали неуклонного соблюдения установленных обрядов — «ли», т. е. этикета. Эти обряды охватывали и общественную, и частную жизнь. «Управлять государством без соблюдения ли, — говорится в одном из классических текстов, — это все равно, что слепому быть без проводника; все равно, что искать что-либо без свечи в темной комнате». Если не соблюдать ли, «то нечем разграничить государя от чиновников, высших от низших, старших от младших»⁴.

³ См. Дж. Фрезер. Золотая ветвь. М., 1930, вып. 2.

⁴ С. Георгиевский. Принципы жизни Китая. СПб., 1888, с. 342.

Придворный быт — не единственная сфера и в европейских странах, где действовал этикет. За королями тянулась феодальная знать, крупные дворяне, которые в своих замках и поместьях вводили, хотя и в сокращенных размерах, торжественный церемониал обедов, пиров, приемов. За дворянами тянулось в свою очередь крупное купечество, буржуазия, особенно в таких странах, как Англия, где сила традиционных форм быта была особенно велика.

Вернемся теперь к нашей основной теме — обычаи «избегания», их исторические корни.

Конечно, «этикет» и «избегание» — вещи весьма неодинаковые. Совсем разная социальная среда: там придворная знать, тут «первобытные» народы и крестьянство, сохранившее патриархальный быт. Разные внешние проявления: там церемонные поклоны, утонченные манеры, высокопарные речи, а здесь — грубый деревенский быт, пугливое прятание лица, обязательное молчание, унижительная покорность. Все это так. Но, при всем различии форм, и даже при различии социальной почвы, как много общего!

Во-первых, обычаи избегания, как и этикет, ограничивают общение между людьми, устанавливая известную сегрегацию, — и в этом основной смысл обоих этих явлений.

Во-вторых, эти ограничения выражаются или в запретах (прикосновения, речевой коммуникации), или в обязанности облечь любую коммуникацию в предписанную форму.

В-третьих, эти формы общения лишены непосредственной целесообразности, представляя собой скорее символ определенных отношений или психического состояния: уважение, страх, покорность или, наоборот, власть и самовозвеличение.

В-четвертых, что особенно важно, правила избегания никогда не касаются отдельных личностей, а всегда групп или категорий лиц; это то, что мы условились вслед за Лесли Уайтом считать характерным именно для этикета.

В-пятых, сама история придворного этикета, с одной стороны, внутрисемейного «избегания» — с другой, вполне параллельна: сначала постепенное нарастание сложности, громоздкости и стеснительности обычаев по мере усложнения форм общественной жизни, — скажем, до эпохи азиатского деспотизма и европейского средневекового феодализма, а затем, наоборот, постепенное упрощение и смягчение их по мере дальнейшего развития социального строя, распада патриархального режима в деревне, сословного режима в государстве: упрощение этикета, ослабление стеснительных внутрисемейных обычаев.

Здесь сказывается общий закон: сначала нарастание, а потом ослабление и падение всех форм общественной сегрегации, одной за другой, демократизация режима сверху и снизу. Социалистическая эпоха лишь усилила и ускорила эту общую тенденцию.

Поставим теперь самый важный и основной вопрос: можно ли говорить о некоей общности происхождения, об общих исторических корнях этикета и избегания? Мне думается, что можно, если только понимать эту общность корней в широком смысле.

Распад общинно-родового строя с самого начала шел в двух направлениях: первобытная община расслаивалась, выделяя доминирующую верхушку — предводители, старшины, вожди, позже цари, короли; и одновременно внутри нее, внутри родовых групп, зарождалась и крепла индивидуальная, парная (а в других случаях большая) семья. Это были по существу две нераздельные стороны единого процесса. Микроструктура семьи воспроизводила в себе макроструктуру общины и племени. Глава семьи — женского или мужского пола — это было маленькое отражение, уменьшенная копия главы племени. Поэтому и формы взаимоотношений в семье, с ее иерархией возраста, пола, брачного состояния,

позже также и имущественного неравенства, воспроизводили в какой-то мере формы отношений в племени, с его еще более резкой иерархией. Отсюда два направления сложения этикета: одно — касающееся вождя племени, в дальнейшем главы государства; другое — регламентирующее поведение главы семьи и отношение к нему разных ее членов.

Если приведенные соображения в какой-то мере верны, то можно считать, что исторические корни и придворного, и крестьянского «этикета» в конечном счете общие.

Перейдем к вопросу об оценке интересующего нас обычая. Именно в оценке его и заключается весь пафос статьи Я. С. Смирновой и А. И. Першица: хорош ли обычай избегания или дурен, следует его соблюдать или не следует?

Авторы отвечают на этот вопрос безоговорочно: обычай дурен и соблюдать его не надо.

Заслуживает похвалы уже одна прямая постановка вопроса об оценке изучаемого социального явления и прямой ответ на него. В нашей этнографической литературе, к сожалению, очень часто встречается чрезмерная осторожность или даже боязнь говорить напрямик о положительном или отрицательном значении традиционных явлений окружающей нас действительности.

Каковы же, однако, мотивы у авторов обсуждаемой статьи для отрицательной оценки обычая избегания? Таких мотивов два: 1) ссылка на мнение самих представителей тех народов, среди которых бытует обычай избегания, — этнографов и респондентов массовой анкеты: большинство высказалось против соблюдения обычая (стр. 65); 2) «формационная оценка», т. е. принадлежность обычая избегания к ранним, докапиталистическим (общинно-родовым и раннефеодальным) общественным формациям (стр. 68); этот «формационный критерий» авторы противопоставляют известной теории «культурного релятивизма», которая — в ее крайнем выражении — вообще исключает всякую оценку народных обычаев: все-де они хороши, так как у каждого народа своей собственный путь исторического развития и своя система ценностей.

Мне думается, что в своей общей (отрицательной) оценке обычая избегания авторы правы. Едва ли можно привести разумные основания для запрета молодой невестке разговаривать с членами семьи ее мужа или для других подобных запретов. Но сама система доказательств в разбираемой статье представляется малоубедительной.

1. Метод «референдума», массового опроса, сам по себе заслуживает серьезного внимания. Но пользоваться им нужно с осторожностью и не доверять результатам без критической проверки. В данном случае «общественное мнение», отразившееся в анкете 1973—1974 гг., складывалось в итоге более чем 50-летней пропагандистской работы среди народов Кавказа, когда и школа, и комсомол, и женотделы, и лекции общества «Знание», и популярные брошюры, и все другие средства массовой информации и пропаганды систематически внушали людям идею о вреде «старых обычаев», о необходимости отказа от них. Нужно еще удивляться, что после этого в опросе 1973—1974 гг. от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ всех респондентов все же высказались за соблюдение обычая «избегания»!

Можно себе представить, что аналогичные результаты дал бы подобный же референдум, если бы предметом его были, например, традиционные народные праздники — святки, масленица, красная горка, Иван-Купала и др. (ныне утратившие прежнее религиозное содержание), против которых тоже десятилетиями создавалось враждебное «общественное мнение» (ввиду их мнимой связи с христианским культом). Вполне возможно, что большинство опрошенных, и в городе, и в деревне, высказались бы за отмену и святок, и масленицы, и других народных праздников. Но можно ли будет основываться на таком результате?

И наоборот. В республиках Средней Азии до сих пор практикуется варварский обычай «суннат-той» — обрезания мальчиков, и никто не смеет начать с ним решительную борьбу. Очень возможно, что если учинить массовый опрос населения по поводу «полезности» этого дикарского обычая, то большинство опрошенных высказалось бы за его сохранение. Но будет ли морально убедительным такой результат?

Вообще метод массового опроса по поводу полезности или вредности той или иной традиции позволяет сделать вывод не о самой вредности или полезности данной традиции, а лишь об отношении к ней тех или иных слоев населения.

2. Что касается «формационной оценки» обычаев, то и этот критерий требует большой осторожности. Нет сомнения в том, что общий уровень социального и культурного развития в эпоху капитализма, — а тем более при социализме, гораздо выше, чем в докапиталистические эпохи. Но следует ли из этого, что все, что возникло в докапиталистические эпохи, уже по одному этому заслуживает осуждения? Конечно, нет. Авторы статьи правильно говорят о неравномерности исторического развития и о том, что рост материальных производительных сил не всегда сопровождается параллельным ростом культуры (стр. 68). Факты такой неравномерности развития разных сторон техники, культуры, общественных форм жизни хорошо известны. Материальные производительные силы античной Греции были безмерно слабее развиты, чем в странах современной Европы и Америки, гораздо примитивнее был там и социально-политический строй, а все-таки классические произведения античной скульптуры и архитектуры составляют и сейчас для нас недосягаемый образец. Все это — азбучные истины. Но ведь то же относится и к социальным обычаям. Формы общественного быта эпохи капитализма более развиты, чем в докапиталистических обществах, но заслуживают ли они более высокой моральной оценки? Едва ли. Вспомним обличительные высказывания Маркса и Энгельса по адресу капитализма, который заменил все прежние моральные ценности одной только властью денежного мешка; капитализма, при котором все продается и покупается, все разменивается на чистоган. При капитализме погибли и погибают и прекрасные обычаи старины: гостеприимство, взаимопомощь, дарение, усыновление, побратимство⁵.

Словом, и «формационный критерий» сам по себе еще не дает убедительного решения вопроса.

Два слова в разъяснение точки зрения «культурного релятивизма», против которого выступают Я. С. Смирнова и А. И. Першиц, затрагивая и мое к ней отношение. Концепция культурного релятивизма сложная, и ее понимают по-разному. Мне кажется, что возможны два ее понимания. Первое: нельзя считать европейско-американские стандарты ценностей за абсолютные и с этих позиций оценивать стандарты других культур, других народов. Второе понимание идет гораздо дальше: не существует вообще абсолютных стандартов ценностей, поэтому ценности в каждой культуре, у каждого народа одинаково хороши и равноправны. Я считаю первое понимание правильным, второе неправильным. Да, европейско-американские масштабы ценностей не абсолютны; они не общечеловеческие, и их не надо навязывать народам других континентов. Но общечеловеческие масштабы ценностей существуют, и именно с их позиций можно и нужно судить обычаи и традиции любого народа.

Где же взять, могут спросить, объективный критерий для таких суждений? А на то и существует этнографическая наука, чтобы исследовать и оценивать каждый факт, каждое явление социальной жизни. Универсальных рецептов нет.

Возвращаюсь к основной теме статьи. Я. С. Смирнова и А. И. Першиц правы, оценивая отрицательно обычаи избегания и их пережитки.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 4, с. 426.

Но не потому, что большинство населения высказалось против них. И не потому, что обычаи эти зародились в недрах первобытнообщинной и раннефеодальной эпох. А потому, что эти обычаи — яркое проявление тенденции социальной (в данном случае внутрисемейной) сегрегации. А сегрегация исторически всегда и повсеместно — хотя, к сожалению, с остановками и рецидивами — уступала и должна уступать место социальной интеграции.

Естественно, что и обычай избегания — этот своеобразный крестьянский «этикет» — постепенно выходит из употребления, как уже вышел из употребления почти во всех странах придворный этикет.

Лишь бы только не исчезли вместе с ним те — по внешности близкие к «избеганию», а по существу имеющие совсем иные корни — принципы взаимоотношений членов семьи, которые созвучны общим гуманным принципам коммунизма: взаимное уважение и внимание, почтение к старшим, скромность, сдержанность, заботливость, почтительное отношение к женщине.

«AVOIDANCE» AND «ETIQUETTE»

The meaning and the origin of «avoidance» customs can only be understood by placing them within a wider sphere of customs of social segregation (restriction of communication). There is a certain analogy between «avoidance» and rules of «etiquette» (in royal courts etc.). Although the respective social strata are diametrically opposed, «avoidance» customs and «etiquette» rules are derived from the same roots. Their primary historical foundations lie in the disintegration of the early communal clan structure; this engendered the rise of a dominant class, a ruling leadership, chiefs, kings etc. on the one hand, and the isolation of the family on the other. The forms of the social macro-structure were duplicated on a smaller scale in the family micro-structure.

The writer agrees with the negative evaluation by Ya. S. Smirnova and A. I. Pershits of the contemporary state of the relics of avoidance customs but not with the motives they offer. Avoidance customs only deserve to be condemned as a form of social segregation which stand in the way of communication.